PG3351
.G768
1928a

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3351
.G768
1928a

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
10002454121

OCT 2 1984 W
OCT 1 '84

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
JAN 17 1999			
	DEC 09 '98		

Form No. 513, Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

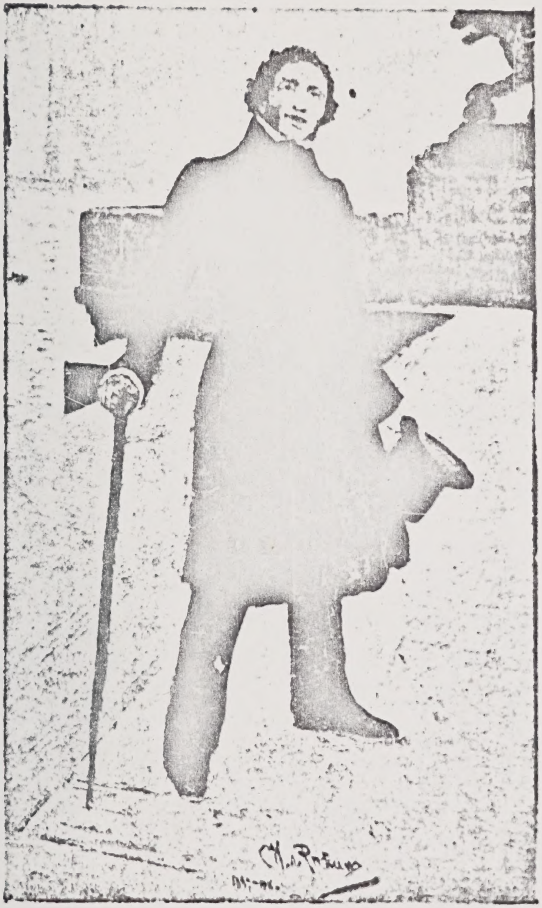
https://archive.org/details/vokrugpushkina00gros

PG3351
G768
1928a
MC

ЕОНИД ГРОССМАН

Вокруг

ЗРУГ ПУШКИНА



„ОГОНЕК"
386
ВО „ОГОНЕК"
А— 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

X-774828
98622

ШАРЛЬ ЛУИ ФИЛИПП

ШАРЛЬ БЛАНШАР

ПОВЕСТЬ

• • •

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК"
№ 361
АКЦ. ИЗД. О-ВО „ОГОНЕК"
МОСКВА—1926

М. СЕРВАНТЕС

ДОН-КИХОТ

• • •

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК"
№ 371
АКЦ. ИЗД. О-ВО „ОГОНЕК"
МОСКВА—1926

РОДА РОДА

ЖЕЛЧЬ и ЯД

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

• • •

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК"
№ 354
АКЦ. ИЗД. О-ВО „ОГОНЕК"
МОСКВА—1926

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

СЕРЕБРЯНАЯ УТКА

• • •

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК"
№ 227
АКЦ. ИЗДАТ. О-ВО „ОГОНЕК"
МОСКВА—1927

Grossman, Leonid Petrovich

ЛЕОНИД ГРОССМАН

ВОКРУГ ПУШКИНА

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“
Москва — 1928

PG 3201
.B5

ТИПО - ЛИТОГРАФИЯ,
ОФСЕТ-ПЕЧАТНЯ
Акц. Изд. О-ва
„ОГОНЕК"
МОСКВА, Последний
пер., д. 26.
Главлит № А. 16.237
Тираж 29.000.

LIBRARY OF CONGRESS
RECEIVED
MAY 28 1929
DOCUMENTS DIVISION

ПОРТРЕТ ЛУВЕЛЯ

I

Портрет Лувеля, убийцы герцога Беррийского, сыграл, как известно, большую роль в биографии Пушкина. Несостоявшийся проект ссылки поэта в Сибирь или Соловки и затем его отсылка из Петербурга в южные губернии были вызваны в значительной степени его отношением к громкому террористическому акту, взволновавшему тогдашнее европейское общество. Как свидетельствуют современники, Пушкин на масленице 1820 года показывал своим знакомым в театре портрет Лувеля со своей собственноручной надписью «Урок царям!» Это вызвало обыск на квартире поэта, допрос его военным генерал-губернатором Милорадовичем, и, наконец, 6-го мая 1820 года, от'езд из Петербурга—как оказалось, на шесть лет—с официальным назначением «в канцелярию главного попечителя колонистов южного края генерала Инзова».

Противники Пушкина связывали в то время его революционную репутацию, главным образом, с двумя именами политических убийц: немецким студентом Карлом

Зандом, заколовшим реакционного публициста Коцебу, и парижским рабочим Лувелем, решившим уничтожить династию Бурбонов. Современные сатирики так и изображали поэта:

Гимн Занду на устах,
В руке—*портрет Луселя.*

Между тем, до сих пор этот роковой портрет нам не был известен. Изображение Лувеля так же незнакомо нам, как и его личность, видимо, сильно заинтересовавшая Пушкина. Мы считаем поэтому не лишним ознакомить русских читателей с судьбою «убийцы герцога Беррийского».

Начнем с описания самого события.

II

13 февраля 1820 г., около 11 часов вечера, сын наследника и ближайший кандидат в престолонаследники Франции герцог Беррийский вышел из здания Оперного театра, чтобы усадить жену свою в карету, намереваясь вернуться в зал и досмотреть неоконченный спектакль. В это время неизвестный человек средних лет, весьма прилично одетый, отделился от стены здания и, бросившись с молниеносной быстротой между флигель-ад'ютантом, егерем и герцогом, схватил последнего за левое плечо и вонзил ему в правый бок кинжал.

В первый момент никто не сообразил, в чем дело. «Вот еще невежа!» — крикнул флигель-ад'ютант, пытаясь приблизиться к герцогу. «Что за толчок!»—с недовольством заметил раненый и, поднеся затем руку к месту

удара, с ужасом крикнул: «Меня убили!»—«Вы ранены, ваше высочество?»—«Нет, нет, я умер... вот, я держу кинжал»...

Воспользовавшись этой минутой замешательства, неизвестный пускается в бегство.

Он несется в направлении соседнего театра Французской Комедии, рассчитывая смешаться с толпой, раз'езжающейся после спектакля. Но площадь пуста,—представление еще не закончилось. Проезжающая карета заставляет его замедлить шаг, и в тот момент, когда он приближается к арке Кольбера, за которой он сможет считать себя в полной безопасности, какой-то человек бросается ему навстречу, широко раздвинув руки. Беглец пробует освободиться от него, но в это время тяжелая рука жандарма схватывает его за ворот. Через несколько минут он уже находится в караульне Оперного театра.

— «Чудовище!—бросается к нему один из свитских офицеров:—что заставило тебя совершить это ужасное преступление?»

— «Я выступил против величайших врагов моей страны»,—спокойно отвечает арестованный.

Ему надевают наручники. Начинается допрос высшими чинами полиции. Неизвестный называет себя Луи-Пьером Лувелем, рабочим, совершившим акт справедливости по собственному замыслу, без всяких сообщников.—«Я прекрасно знал, что ожидает меня, но я знал, что этим ударом я создаю множество счастливцев».

Из здания Оперного театра, где в одной из комнат администрации агонизирует герцог, и где собралась вся

королевская семья во главе с Людовиком XVIII, Лувеля переводят в здание министерства внутренних дел. Здесь с тем же невозмутимым спокойствием он продолжает отвечать на все вопросы.

— Вам посчастливилось захватить меня, вам помог пустячный случай. Если бы не фиакр, перерезавший мне дорогу, я был бы спасен. Ваши подозрения устремились бы выше, и я мог бы через несколько дней возобновить мою деятельность...

И когда следователи обрушивают на него обвинения в страшнейшем преступлении, Лувель продолжает:

— Интересы народа оправдывают все. То, что вы называете преступлением, будет признано историей, как подвиг.

К концу допроса он узнает, что герцог Беррийский скончался в 5 часов утра. Он сохраняет при этом глубочайшее спокойствие. С полным бесстрастием он подписывает свое имя на бумажном ярлычке, подвешенном к пред'явленному ему кинжалу.

Лувеля переводят в знаменитую тюрьму для политических—в Консьержери и помещают его в той камере, где была заключена Мария-Антуанетта. Здесь он проводит свои последние четыре месяца в ожидании суда и приговора.

III

Личность Лувеля представляет яркий интерес по своему психологическому своеобразию. Он родился накануне Великой французской революции в беднейшем квартале Версаля, в многочисленной, нуждающейся, трудовой

семье. Ему было шесть лет, когда стали разворачиваться революционные события, и он запомнил навсегда, как в октябре 1789 года короля перевезли из Версаля в Париж. Вскоре Лувель попал в школу, где учился читать по республиканской конституции и «Правам человека и гражданина». С первых сознательных лет он уже принадлежал революции.

Вскоре после смерти отца, подросток попадает в обучение к шорнику. Здесь он обучается седельному ремеслу, которое и становится его специальностью. По окончании учения он начинает скитаться по Франции и с 1801 по 1813 г. обходит несколько департаментов. Выше всего он ценит независимость, одиночество и свои свободные мечтания о лучшем будущем человечества.

В эпоху империи он остается верным последователем идей революции. Он осуждает тех, кто возвращается к католическому исповеданию, а в Наполеоне видит достойного сына революции, непримиримого врага Бурбонов, защитника освобожденной страны.

Вот почему в 1813 году, в момент наступления союзников на Францию, Лувель вступает в национальные батальоны. С чувством глубочайшего возмущения он узнает, что в армиях неприятеля занимают высокие посты французы-эмигранты и даже видные члены королевской семьи. Глубочайшее негодование вызывает в нем известие, что «граф д'Артуа», участвовавший в наступлении союзных армий на Париж,—не какой-нибудь австрийский генерал, а родной брат Людовика XVI, один из претендентов на французский трон.

Лувель навсегда запомнил имя графа д'Артуа. Вскоре он узнает, что другая «надежда престола»—второй сын графа д'Артуа, герцог Беррийский. В апреле 1814 года, когда Франция наводнена иностранными армиями и эпоха Наполеона завершилась, этот «наследник Бурбонов» возвращается из Англии в Париж.

Лувель, глубоко потрясенный падением Наполеона, который в его глазах представлял свободную Францию и Великую революцию, покидает Париж, захваченный с помощью Бурбонов иностранными армиями, и отправляется к «великому изгнаннику» на остров Эльбу. Он поступает в качестве седельного мастера в конюшни Наполеона, откуда пристально следит за политической жизнью Парижа.

Знаменитые «100 дней» Наполеона, его окончательное падение, заточение на остров св. Елены и торжество Бурбонов, воцарившихся над опозоренной ими нацией, заставляют Лувеля перейти к действию. Он должен выступить во имя идеи революции против захватчиков власти. С июля 1815 года Лувель обрекает себя на героическую роль выполнителя народного мщения. Он поселяется в Париже и здесь, в полном одиночестве, ни с кем не общаясь и скрывая решительно ото всех свой замысел, в течение пяти лет, с величайшей осторожностью, находчивостью и планомерностью, подготовляет свой террористический акт.

Он всесторонне обдумывает все подробности плана. Король—дряхлый старик, одной ногою уже стоящий в могиле. Брат его, граф д'Артуа, тоже стар и, конечно, снова не женится. Его старший сын, герцог Ан-

гулемский, бездетен. Все они должны быть искоренены, по первая очередь за младшим сыном графа д'Артуа, герцогом Беррийским, который, по народному свидетельству, «всюду сеет детей», недавно женился и считается «плодоносной ветвью» бурбонской фамилии. С его уничтожением династия угаснет. Выбор решен.

По самым разнообразным источникам Лувель узнает все подробности личной жизни герцога Беррийского и обдумывает наилучший способ осуществления своего плана. Недовольство народа Бурбонами с каждым годом растет и укрепляет Лувеля в его решении. И когда в феврале 1820 года ему предстоит длительный от'езд из Парижа, он решается выполнить задуманное. 8 февраля он идет на кладбище Пэр-Лашез и посещает могилы наполеоновских маршалов. Имена его любимых героев вдохновляют его. Он принимает окончательное решение. Ему кажется, что весь народ ожидает его поступка, что вся Франция кричит ему: «Нанеси удар, ты осчастливишь всех!»

Зная, что герцог посещает театры, Лувель тщательно изучает афиши. Он узнает, что в воскресенье, 13-го, в опере большой парадный спектакль. Это—верный шанс встретиться с герцогом. Лувель назначает на этот вечер выполнение своего замысла.

К 7 часам он у здания театра. Начинается с'езд. Под'езжает хорошо знакомая придворная карета. Лувель приближается к ней. Герцог выходит. Полная возможность в одно мгновение покончить с ним. Но решимость изменяет Лувелю. Он отходит. В этот момент свитский офицер кричит кучеру:—«В одиннадцать без четверти!»

Лувель проводит несколько часов в состоянии величайшего душевного смятения. К половине одиннадцатого он снова у театра и, спрятавшись за кабриолет, не отводит глаз от главного выхода. Вот подают придворную карету, в вестибюле театра стража отдает честь, вот, наконец, появляется герцог.—«Теперь или никогда!»

Долгожданный план выполнен. Лувель принес себя в жертву.

Через три месяца, после подробнейшего следствия, верхняя палата, переименованная в верховный трибунал, приговаривает Лувеля к гильотине.

IV

Вернемся к Пушкину. Отголоски громкого политического убийства вскоре дошли до Петербурга. Пушкин, несомненно живо интересовавшийся в то время проблемой политического террора (убийство Павла I, поступок Карла Занда), мечтавший сам «кровавой чаше причаститься», отнесся с жадным вниманием к историческому жесту Лувеля. То обстоятельство, что поэт раздобыл себе портрет «убийцы герцога Беррийского» и решился показывать его в театре, свидетельствует об его напряженном интересе к этому событию.

Каким образом портреты Лувеля могли в то время дойти до Петербурга? Это об'ясняется, видимо, тем, что французское правительство, желая возбудить в определенном направлении общественное мнение, выпустило в то время ряд изданий, посвященных «ужасному убийце». К брошюрам прилагался портрет бесстрашного терро-

риста, конечно, искажающий его облик, придающий ему зверский вид и вполне подкрепляющий его характеристики, как «исчадия ада». Одно из таких изданий королевского правительства могло проникнуть и в Россию в виду своего тенденциозного антиреволюционного характера.

Во всяком случае поступок Лувеля произвел сильнейшее впечатление на Пушкина. В 1821 г. он пишет свой знаменитый «Кинжал»—стихотворение, которое расходилось в сотнях списков. Он, очевидно, имеет в нем в виду не только студента Занда, убившего литератора Коцебу. Стихи: «Ты кроешься под сенью трона,—под блеском праздничных одежд», ясно указывают, что знаменитая ода «тайному стражу свободы» воздает хвалу и убийце герцога Беррийского—Лувелю.

ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК

I

Тихие, глубокие, неподвижные озера. Вековые сосны, нависшие широкими шатрами над извилистой лесной дорогой. Медленная, почти зеркально-застывающая Сороть, поистине, «лоно сонных вод»... И затем холмы и жнивья вплоть до синеющих на горизонте новых рощ и только кое-где разбросанные хаты, почти не нарушающие редкими пятнами своих почерневших кровель этого широкого разлива природы, немного унылого, но прекрасного пейзажа Псковской области.

Так вот он, этот «далекий северный уезд», куда 9-го августа 1824 г., после усиленной правительственной переписки, прибыл на новый этап своего изгнания Пушкин. Здесь он провел «отшельником два года незаметных»... Здесь были написаны «Борис Годунов», центральные главы «Онегина», конец «Цыган». Отсюда в осеннюю ночь, под охраной фельд'егеря, «свободно, но под надзором» Пушкин выехал в Москву по вызову Николая, решившего загладить эффектным жестом — прощением «опального поэта»—гнетущее впечатление от казни дека-

бристов. Сюда, наконец, в зимнюю вьюгу Александр Тургенев привез гроб с телом затравленного поэта, которое и было предано погребению на отвесном холме, под густой тенью вязов, лип и древних сооружений.

Это один из главных узлов пушкинской биографии. За столетие здесь, конечно, многое изменилось. Особенно—за последнее десятилетие. До 1914 г. пушкинские места Псковской губернии сохраняли почти без изменений свой старинный облик. Накануне войны биограф Пушкина еще мог изучать здесь почти во всем об'еме обстановку ссылки поэта.

Война и революция преобразили эти глубокие «затишья». Западный фронт проходил в 3—4-х десятках верст от мест пушкинского изгнания. История последнего десятилетия бурно проносилась над музейными ценностями и литературными памятниками, часто не имея времени задуматься над их дальнейшей участью.

Отсюда новый облик «пушкинских мест». Следов поэта здесь меньше, чем это было недавно, но они не вовсе исчезли. Пушкина здесь продолжаешь чувствовать и в природе, напоминающей пейзаж «Онегина», и в остатках немногих старинных зданий, и особенно в живых преданиях этих мест.

Среди обитателей «Опочецкого уезда» не мало людей, знавших недавно лишь ушедшее поколение современников поэта. Вот, например, «дворовый человек» тригорских помещиков, на руках которого скончалась в начале 80-х годов сама Евпраксия Николаевна Вревская (рожденная Вульф), резвая собеседница Пушкина, до конца считавшая себя прототипом Татьяны. Старичок Федор

Михайлович охотно делится с вами своими воспоминаниями о жителях Тригорского:

— Вот здесь стояла баня, куда отсылали ночевать Пушкина; Евпраксия Николаевна, покойница, говаривала: «Мать боялась, чтобы в доме ночевал чужой мужчина. Ну и посылали его в баню, иногда с братом Алексеем Николаевичем (Вульфом). Так и знали все». И недавно еще, когда стояла баня, посетители всегда откалывали себе по кусочку «с пушкинского жилища», так что все углы избы пообкололи. Да вот и с нижних ветвей этого дуба все листья сорвали—на память о Пушкине. И верно: покойный Александр Борисович (сын Евпраксии Вульф) сам мне рассказывал: «Вот здесь моя мама гуляла с Пушкиным»...

Оглядываем место этих прогулок поэта с «Зизи». Невысокий холм, развесистый дуб, получивший пушкинское прозвище «лукоморье», зеленые поляны. Невдалеке «солнечные часы»—лужок, в свое время окаймленный двенадцатью дубами.

Пушкин и обитательницы Тригорского вели оживленную переписку. Устные предания свидетельствуют о любопытном и прискорбном факте. Женщина-врач, лечившая еще недавно дочь Евпраксии Вульф—Софью Борисовну Вревскую, слышала от нее следующее:

— Мать моя передала мне на хранение большую пачку писем к ней Пушкина. Она завещала мне хранить их при жизни, но ни в коем случае никогда и никому не передавать их. О существовании этих писем стало многим известно, и ко мне приезжали различные ученые, прося меня предоставить им эти старые письма великого

поэта к давно умершей женщине. Должна сознаться, что эти лица были очень красноречивы и убедительны. Я чувствовала, что решение мое слабеет. И вот, чтоб не поддаться окончательно их уговорам и не нарушить воли матери, я предала всю пачку писем сожжению...

Таков один из недавних тяжелых ударов пушкинизму. Сколько живых, колоритных и характерных деталей о пребывании Пушкина—в «лесах Тригорских»—утрачены навсегда с исчезновением этой пачки его писем!

Лучшее место Тригорского—обрыв над Соротью. Густая тенистая роща покрывает вершину склона. В тени—скамья старинного фасона: «диван Онегина». Внизу извилистая лента Сороти, убегающая полями к горизонту. Над ней, в отличие от пейзажа пушкинской поры, повисли вдали два мостка—железнодорожный и шоссейный. Все остальное сохранилось неприкосновенным.

Вспоминаются превосходные стихи Языкова, гостившего у Вульфов и с этих мест выглядывавшего приезд своего михайловского друга. Перед нами широким ковром раскинулись

...те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один—
Вольтер и Гете, и Расин—
Являлся Пушкин знаменитый...

«Отлогости» и «нивы» переходят в высокие земляные насыпи Воронича. Это древний город-крепость, по преданию возникший еще в эпоху ливонских войн. Пушкин

упоминает это место своих верховых поездок в стилизованном заглавии «Борис Годунов»: «писано в лето 7333 на городище Ворониче»...

II

За земляными насыпями этой древней крепости открывается дорога в Михайловское. Лес становится понемногу благоустроеннее, дорога переходит в аллею, роща превращается в парк, появляются остатки мостика из березовых стволов над прудом и вот, наконец, серые широкие ворота в усадьбу поэта. Они, конечно, позднейшего происхождения и, в сущности, мало гармонируют с окружающим. За ними садовая дорога, окаймляющая большой круглый газон с развесистым вязом. За кругом остатки прежних строений: фундамент пушкинского дома, исчезнувшего еще в прошлом столетии и замененного впоследствии «домом-музеем», также сгоревшим.

О домике поэта, о расположении в нем комнат, можно судить лишь по остаткам фундамента. Вековые глыбы серых валунов, сцепленных крепким цементом, как бы образуют просторные рамы вокруг диких порослей, покрывающих сплошным зеленым переплетом поверхность старого цоколя. Ступаешь в густой разросшейся траве по тому небольшому клочку земли, где писались великие создания эпохи пушкинской зрелости.

Рядом—сохранившийся во всей неприкосновенности, так называемый, «домик няни». Название это привилось и, видимо, прочно закрепилось за маленьким строением старой усадьбы. Но приурочение его к няне поэта едва ли

соответствует исторической действительности. Знаменитая Арина Родионовна жила, видимо, в большом доме, бок-о-бок со своим питомцем. «Домик няни», который на некоторых изображениях именуется иногда и «домиком А. С. Пушкина», представлял собой, вероятно, какое-нибудь служебное помещение, вроде девичьей.

Во всяком случае, это единственная постройка пушкинского времени, сохранившаяся в Михайловском до наших дней. Она фигурирует на всех старинных гравюрах. Перед нами, несомненно, здание, видевшее в своих стенах поэта. Он ступал на это низенькое крыльцо с навесом на подгнивших столбиках, входил в длинную и узкую переднюю, бывал в двух довольно просторных комнатах, увешанных теперь изображениями «няни» и всеми пушкинскими стихами, ей посвященными. Этот маленький домик — единственный скромный обломок архитектурного прошлого, дающий представление о типе и облике пушкинской усадьбы.

За ним зеленый склон, сбегающий к озеру, за которым высится древний погост «Савкина гора», любимое место поэта. Уже в 1831 г. он сообщал П. А. Осиповой о своем желании выстроить себе здесь избушку, поставить свои книги и приезжать сюда для работы и отдыха.

Савкина гора—древний погост. Остатки могил, почерневшее каменное надгробие какого-то полулегендарного «Саввы» сохранились на площадке холма. Вид отсюда на Сороть, озера, луга и рощи необыкновенно красив.

«Дикий садик» Михайловского видимо мало изменился. От ворот налево тянется густая липовая аллея,—та самая, по которой Пушкин гулял с Анной Петровной Керн.

«Корни старых дерев,—рассказывала впоследствии собеседница Пушкина,—сплетясь, вились по дорожке, что заставляло меня спотыкаться, и моего спутника вздрагивать»...

Невольно останавливаешься в раздумьи под этими старыми липами, где зародились прекраснейшие строфы нашей любовной лирики, знаменитое посвящение Керн: «Я помню чудное мгновенье»...

И, наконец,—третье место пушкинского уголка—«Святые горы» (переименованные теперь в связи со столетием ссылки поэта в «Пушкинские горы»).

Это небольшое местечко, живописно раскинувшееся по холмам вокруг монастыря эпохи Ивана Грозного. Здесь сохранились ворота, у которых Пушкин слушал пение нищих слепцов, собирая материалы для народных сцен «Бориса Годунова». Здесь происходила ежегодно большая летняя ярмарка, которую поэт охотно посещал, поражая местных жителей своим необычным костюмом и странными манерами.

В сохранившемся старинном дневнике торговца из Опочки, некоего Лапина, имеется под 29 мая 1825 г. следующая любопытная запись:—«Имел щастие видеть Александра Сергеевича г-на Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одеждою... У него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке опоясавши голубою лентою, с железной в руке тростью, с предлинными черными бакенбардами, которые более походят на бороду, так же с предлинными ногтями, с которыми он очищал нюхр-

лупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом, я думаю, около полудюжины»...

Эта наивная и колоритная запись дает лучшую зарисовку Пушкина михайловского периода.

Вблизи от мест этой старинной ярмарки на холме, у стен монастыря,—могила Пушкина. Он похоронен в том месте, которое незадолго до смерти сам приобрел для себя. Рядом—могилы его предков Ганнибалов. Памятник Пушкина прост и изящен. На широком гранитном цоколе белый мраморный свод, подпирающий такой же тонкий обелиск. Под сводом небольшая мраморная урна, полуприкрытая покрывалом. На гранитном фундаменте лаконическая надпись—имя поэта и даты его рождения и смерти. Вокруг—чугунная решетка. Склон холма за могилой огражден балюстрадой из белого и серого мрамора, воздвигнутой сравнительно недавно. Такова «соседняя долина», принявшая «охладелый прах» поэта.

От времени до времени—раза три в столетие—имя Пушкина становится источником широкого общественного оживления. Так было в 1880 г. при открытии московского памятника поэту, так было в 1899 г., в дни празднования его 100-летней годовщины, так оказалось и в дни теперешних поминок его ссылки в село Михайловское.

В пушкинские места к 12—15 сентября (дни об'явленных празднеств) с'ехались многочисленные представители научных и литературных организаций Москвы и Ленинграда, делегаты и учащиеся из Пскова и Опочки.

Здесь были представлены Академия Наук, Пушкинский дом, Главнаука, Всероссийский Союз Писателей

(Московское и Ленинградское отделения), Московский университет и рабфак имени М. Н. Покровского, Институт изучения искусств, Ленинградский губнаробраз, Псковский союз работников просвещения и многие другие.

В отличие от прежних пушкинских торжеств здесь впервые прозвучало слово о Пушкине крестьян (т. Семенов) и рабочих (представитель Ленинградских металлистов).

Местный крестьянин, прекрасно помнящий происходившие здесь в 1899 г. пушкинские празднества, отметил, что от тогдашних делегатов крестьяне ничего не узнали о борьбе Пушкина с самодержавием. Только теперь им сообщили об этом, и они могут с благодарностью сказать: «Пушкин был наш друг»...

Общий порядок празднования был разделен на три дня. В пятницу, 12 сентября, в 6 час. вечера, на холме у волисполкома чествования открылись речами официальных представителей. Затем громадная толпа двинулась организованным маршем, под звуки оркестра, к могиле Пушкина, где были возложены венки различными депутациями и произнесены речи тремя делегатами: от Москвы, Ленинграда и Пскова. Собрание было перенесено затем в здание народного дома, где в торжественной обстановке, перед портретом поэта, были произнесены речи, приветствия и доклады с'ехавшимися делегатами. Следующий вечер был посвящен литературным выступлениям приехавших писателей и артистов. Наконец, в воскресенье, 14-го сентября, в селе Михайлов-

ском, в саду поэта, состоялся многолюдный и необыкновенно оживленный митинг.

В тот же день в Михайловском был заложен будущий «Пушкинский музей» устройством временной выставки «Пушкин в селе Михайловском». Гвоздем ее явилась новонайденная грамота 1746 г. о пожаловании Абраму Ганнибалу села Михайловского. Этот Елисаветинский документ представляет первостепенный интерес для истории места ссылки Пушкина.

Нужно думать, что Пушкинский с'езд в сентябре 1924 г. оставит свои следы. Места, связанные с памятью поэта и об'явленные в 1922 г., по почину Пушкинского дома, государственным заповедником, могут обогатиться новыми учреждениями и памятниками. Желательно развитие возникающего музея, реконструкция некоторых строений, установка в Михайловском первых памятников как самому поэту, так и верному другу его изгнания— Арине Родионовне. Ленинградское общество архитекторов-художников об'явило конкурс на памятник Пушкину в селе Михайловском. Нужно признать, что «малый сад» поэта, лишенный его старого домика, настоятельно ждет и словно требует художественного увековечения его памяти.

Не так далеки от нас четвертые «великие поминки» по Пушкину: 29 января 1937 г. Закончится ли к этому сроку академическое издание поэта, начатое еще в 1899 году? Воздвигнется ли новый памятник в селе Михайловском? Пустит ли корни новооткрытый в нем музей? Будем думать, что живой и бодрый тон только что отзвучавших празднеств является благоприятным

показателем. В новых условиях жизни пушкинизму, быть может, суждено из явления книжного и теоретического стать живым и действенным культурным фактором. Прав окажется современный поэт, обратившийся недавно к облику Пушкина:

Сколько слав поникло сжатым стеблем,
Сколько тронов взято и топоры,
Только твой треножник не колеблем
Чернью, потрясающей миры *).

1924

---

*) Стихотворение Влад. Василенко „Наш".

ДАНТЕС И НИКОЛАЙ I

29-го января 1837 года поручик кавалергардского полка барон Жорж Геккерен-Дантес совершил по тогдашним русским законам крупное уголовное преступление: он убил на поединке своего противника—Пушкина.

Убийца был иностранцем, убитый—придворным; это усугубляло ответственность за происшедшее.

К тому же, убийца, как офицер гвардии, принадлежал к верхам русского военного мира; убитый же был знаменитый поэт с европейским именем, смерть которого вызвала целый рой дипломатических депеш и оживленнейший обмен мнений в иностранной печати. Это крайне повышало общественное значение дела.

Наконец, условия дуэли, делавшие неизбежным ее смертельный исход, квалифицировали поединок, как особенно тяжкий. Это налагало на судей обязанность со всей строгостью определить степень вины и соответственно установить размер юридического возмездия.

Не даром Лермонтов решился поставить эпиграфом к своему знаменитому стихотворению «На смерть поэта» негодующий возглас:

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Это требование кары верно отражало господствующее впечатление от трагического события 27 января.

Русское законодательство 30-х годов шло навстречу этому общественному негодованию: оно ставило подсудимого Дантеса под страшную угрозу смертного приговора.

По тогдашним русским законам, сохранявшим в этом вопросе постановления XVIII века, дуэль каралась виселицей. (Это распоряжение восходило еще к воинским уставам Петра). Закон был совершенно беспощаден и, предвидя все случаи, постановлял о дуэлянтах, что «их надлежит и по смерти за ноги повесить».

В полном согласии с духом и буквой петровского устава, военно-судная комиссия категорически постановила «подсудимого, поручика Геккерена, по силе 139 Артикула воинского сухопутного устава, повесить».

Но приговор подлежал заключению высших военных чинов. Считаясь с духом новой эпохи, они предлагали смягчить суровость устаревшего кодекса. Обращаясь «к монаршему милосердию», командиры гвардейских полков полагали достаточным разжаловать Дантеса в рядо-

вые без выслуги, с определением в дальние гарнизоны (т.-е. в Сибирь или на Кавказ), после предварительного шестимесячного заключения в каземате. Наиболее мягкий вариант допускал выслугу при боевых отличиях.

Даже в этом случае Дантес понес бы весьма чувствительную и тяжелую кару. Мы знаем, что и по менее серьезным поводам она широко применялась в то время к русскому офицерству. Но не такова была воля царя. Высочайшая конфирмация, сохраняя внешнюю видимость наказания, в сущности, сводила его к нулю. На докладе генерал-аудиториата Николай I написал:

> «Быть по сему, но рядового Геккерена, как не русского подданного, выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты».

Этот приговор, по безнаказанности убийцы, произвел на многих ошеломляющее впечатление. Даже культурнейший европеец, тонкий и благожелательный Тютчев был изумлен этой симуляцией наказания. Известно его острое словцо при получении известия о царском приговоре по делу Дантеса:

«—Пойду, убью Жуковского».

Таким образом, приговор Николая несомненно свидетельствовал об исключительной благожелательности императора к Дантесу. Не даром посол Геккерен писал за границу: «Разжалование в солдаты не имеет никакого значения, это—проформа» *).

Мягкость приговора позволяет предположить, что разжалование было вынужденным ответом на требование

---

*) См. П. Е. Щеголев. „Дуэль и смерть Пушкина", изд. 3-е, 1928, стр. 343.

общественного мнения, и если бы Николай мог в данном случае выражать свою подлинную волю, Дантес оказался бы свободен и от этой внешней формы уголовной санкции *).

Это обращает нас к любопытному вопросу об общем отношении Николая I к Дантесу. В изучениях последней дуэли Пушкина факт личной приязни императора к блестящему кавалергарду еще недостаточно обследован. А между тем, он далеко не безразличен для истории печальнейшего из поединков.

Попытаемся, хотя бы в общих чертах, выяснить характер этих отношений.

С момента приезда в Россию Дантес попадает под покровительство Николая. Высские рекомендации, привезенные этим молодым роялистом, сразу же привлекают к нему высочайшее благоволение. Недоучившийся юнкер, получивший в Берлине решительный отказ при его попытке вступить офицером в прусскую армию, через четыре месяца по приезде в Россию уже был принят офицером в самый аристократический полк, состоящий под шефством ее императорского величества. —«Гвардия ропщет», записал по этому поводу в своем дневнике Пушкин, но с этим ропотом не считались. Дантес, как известно, был неважный офицер, но это не мешало Николаю I беспрестанно отличать его. Из формулярного списка Дантеса видно, что он за смотры,

*) Симпатии царя к Дантесу были учтены много лет спустя, в 1852 г. президентом французской республики Луи Бонапартом, поручившим именно Дантесу переговоры с Николаем I о готовящемся государственном перевороте во Франции—провозглашении империи.

учения и маневры удостоился получить «высочайшие благоволения, об'явленные в высочайших приказах» (в 1834 году их было девять, в 1835 году—двенадцать и 1836 году—пятнадцать). Из этих цифр видно, что милость царя не переставала прогрессивно нарастать.

Наступил роковой 1837 год. Дуэльная катастрофа, как мы видели, дала широкую возможность царю проявить всю свою благожелательность к блестящему кавалергарду, ставшему убийцей первого русского писателя.

Эта симпатия Николая I к Дантесу, небезразличная и для истории смерти Пушкина, впоследствии неоднократно подтверждалась новыми данными. В этом отношении представляет интерес имеющееся у нас неопубликованное письмо Дантеса к Николаю I, проливающее новый свет на характер этих отношений и ярко освещающее обе эти исторические фигуры.

Письмо это вызвано денежными расчетами Дантеса с семейством Гончаровых. Нам известно, по недавней публикации, что Дантес настоятельно требовал от своих шурьев якобы следуемые ему недоплаченные суммы по приданому его покойной жены Екатерины Гончаровой и даже не остановился в 1848 году перед пред'явлением к ним официального иска *).

Но до сих пор мы не знали, что для достижения своих целей и для выигрыша своего гражданского иска Дантес решил прибегнуть к совершенно исключительным мерам. Не полагаясь на юридические доводы, он привел в движение сложные политические пружины,

*) В. С. Нечаева. Дантес (по материалам Гончаровского архива). „Московский Пушкинист". I, 1927.

способные обеспечить ему полную победу. Он вспомнил о своем старинном благожелателе и не постеснялся привлечь к своему частному денежному делу представителя российской верховной власти, который мог действовать приказом там, где закон отказывался действовать. Дантес, видимо, хорошо запомнил историю своего поступления в русскую гвардию.

И вот он обращается непосредственно с целым рядом писем к Николаю. Приведем одно из них, сохранившееся в архивах б. министерства иностранных дел.

«Париж. 14 октября 1851.

Государь.

Вот уже два года, как я взял на себя почтительную свободу направлять к Вашему Величеству различные прошения, чтоб принести жалобы на поведение родных моей покойной жены по отношению к четырем детям от моего брака с нею. Я все еще баюкаю себя надеждой, что они ни разу не были доставлены Вашему Величеству, ибо благоволение, которым оно удостаивало отличать меня во всех случаях, заставляет меня думать, что оно удостоило бы распорядиться об ответе мне. Положение мое становится настолько критическим, что я не колеблюсь сделать попытку нового выступления.

Вот уже четыре года, Государь, как я нахожусь в борьбе, как я сражаюсь пером и словом против жалких безумцев, имеющих безрассудное притязание перегодить Европу. Приближается момент, когда придется, вероятно, отдать на служение нашему делу

и свои руки, и свою жизнь. Я решился это сделать, и я это сделаю. Но до этого я должен выполнить не менее священное обязательство — это подумать о судьбе моих детей, никого, кроме меня, на свете не имеющих.

Я обращаюсь поэтому к Вашему Величеству с мольбой не отказать в отдаче приказов, чтобы мои шурья, которые должны мне по закону более 80.000 франков доходов с той ренты, которую они обязались выплачивать своей сестре, были принуждены уплатить мне сумму в 25.000, которая мне совершенно необходима, чтобы предпринять важные шаги: в этом случае я охотно соглашусь на уступку остатка доходов, на которые имею право.

Соблаговолите, Государь, принять выражения самой полной преданности, с каковой я пребываю Вашего Величества смиреннейшим и покорнейшим слугою.

Ж(орж) де Геккерен,

член законодательного собрания

Его Величеству Императору Всероссийскому».

Письмо это чрезвычайно характерно для Дантеса.

По совершенно частному делу—по вопросу о семейном разделе и наследственных расчетах—он решается, помимо гражданского суда, обратиться к верховной власти, настоятельно испрашивая у ее представителя «приказов» об уплате ему весьма спорных сумм. В чисто личных корыстных целях, он не останавливается перед

ссылкой на свои политические убеждения, взывая к реакционным симпатиям Николая и выдвигая свои заслуги по борьбе с европейской революцией. Он бросает прозрачные намеки на необходимость финансировать европейскую контр-революцию и завершает свое письмо рассчитанным эффектом—указанием на свое политическое влияние, как «члена законодательного собрания». Государственная деятельность и партийная борьба одинаково служат аргументами в пользу оплаты пред'явленного иска. Как ни жалка была подобная позиция, она возымела на первых порах полный успех: Дантес знал, к кому он обращался.

Николай отнесся к просьбе своего давнишнего протеже с величайшим вниманием и реагировал на нее с максимальной распорядительностью. Он пустил в ход самые сильные средства, какие имелись в его руках.

11 марта 1852 г. «статс-секретарь у принятия прошений» Голицын сообщал вице-канцлеру Нессельроде:

> «Его Императорское Величество, по всеподданнейшему докладу моему о сем, Высочайше повелеть соизволил: просьбу барона Геккерена препроводить к генерал-ад'ютанту графу Орлову, для принятия возможных мер, чтобы склонить братьев Гончаровых к миролюбивому с ним соглашению, а на производство дела о наследстве малолетних детей барона Геккерена в имении умершей их бабки обратить внимание министра юстиции».

В ход, как мы видим, были пущены самые сильные рычаги: совершенно частное дело, подлежащее низшей

судебной инстанции, ставилось под непосредственный надзор высшего в государстве блюстителя законов— самого министра юстиции; незначительный вопрос о фамильных счетах, не имевший и тени политического значения, подводился под грозное воздействие начальника III отделения, знаменитого шефа жандармов Орлова, словно дело шло о революционном заговоре или антиправительственной пропаганде.

Это был, конечно, просто метод устрашения. Одно имя главы верховной политической полиции, или название возглавляемого им учреждения, наводили ужас и трепет. Расчет оказался безошибочным.

24 сентября 1852 г. русский посланник в Париже Киселев на бланке «императорского русского посольства» извещал Дантеса о последовавшем по его делу приказе императора. Он излагал ему общий ход дела, в результате которого братья Гончаровы не отказывались от выполнения принятых ими на себя обязательств. Дополнительно посол сообщал, что в московской дворянской опеке находится до 2-х тысяч рублей серебром, внесенных опекуном имения Гончаровой «и деньги сии могут быть выданы барону Геккерену по его востребованию; часть же, следующая детям его, из имения Гончаровой в количестве 124 душ крестьян, поступит в их распоряжение в продолжение сего года»; наконец, «детям барона Геккерена, по справедливости, следует выдать с 1844 г. по 1.500 руб. в год».

Шефу жандармов Орлову было вполне неудобно отказывать, и мы видим, что должники Дантеса пошли на максимальные уступки. Русский посол в Париже,

впрочем, умалчивал, что братья Гончаровы представили также документы о выдаче ими их сестре, баронессе Геккерен, с 1832—1846 г. более 45 тысяч, что в 1837 г., например, «она получила при выходе в замужество единовременно 11.740 руб. асс., о получении которых неизвестно почему он, Геккерен, вовсе умалчивает».

Но в платежах произошли снова задержки.

7 декабря 1852 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр Франции в Петербурге маркиз де Кастельбажак обращается в русское министерство иностранных дел с заявлением, что обязательства, данные Киселевым в его письме, остаются невыполненными, и «быстрое разрешение, которое должны были получить споры барона Геккерена с его шурьями по приказу его императорского величества», не осуществилось. Посол настаивает на уплате заявленных сумм.

Эта «нота» французского посольства, как называли письмо представителя Франции в русских канцеляриях, невольно обращает внимание на обстановку этого денежного процесса.

Дантес, как мы видим, умел устраивать свои дела. Он не ограничивается специальным поверенным, неким Францом Мюллером, ходайствующим в обычном порядке в судах и опеках: его юрисконсультом в России оказывается сам министр юстиции Панин; в роли судебного пристава выступает по его делу шеф жандармов Орлов; послы России и Франции становятся юридическими агентами в его тяжбе; наконец, его главный доверенный и активный уполномоченный по всему делу сам император Николай.

Кто еще мог бы похвастать таким сильным правовым представительством?

Дело, очевидно, было безнадежно для Гончаровых. Тем удивительнее, что в конечном счете восторжествовали в этом организованном насилии логика, законное право и простая житейская справедливость.

Вот как закончилось это дело.

После перерыва в несколько лет, 2 марта 1858 г. французское посольство в Петербурге, в лице своего нового представителя, поверенного в делах маркиза Шаторенара, возобновляет дело Геккерена обращением к сенатору И. М. Толстому. Сенатор обращается к новому начальнику III отделения Долгорукову, который в отличие от своего «предместника», ознакомившись с делом и с об'яснениями Гончаровых, не находит возможным приступать снова к отобранию сведений у Гончаровых и предлагает истцу обратиться в обычном порядке к московскому гражданскому губернатору, т.-е. по месту дворянской опеки над имением Гончаровых.

После новых обстоятельнейших бумаг, докладов, счетов и отчетов московский гражданский губернатор сообщил 15-го сентября 1858 г., что «претензия мужа умершей баронессы Геккерен о выдаче детям его сверх полученных покойною женою его денег на содержание их более значительных сумм, согласно донесению опекуна Сергея Гончарова, признаваемому опекою справедливым, в настоящее время в уважение принята быть не может».

Этот ответ был буквально сообщен французскому посланнику для передачи его Дантесу-Геккерену. Таким образом дело его было проиграно.

Чем об'яснить это фиаско?

Прежде всего, тем, что покровителя и защитника интересов Дантеса императора Николая давно уже не было в живых. Покорные исполнители его воли также были смещены. После Крымской войны отношения к Франции были весьма прохладны. Парижский сенатор уже мало импонировал русскому правительству. Крупным политическим осложнениям и историческим событиям обязаны братья Гончаровы справедливому торжеству их интересов в споре с Дантесом.

Со смертью Николая I влияние Дантеса в России было исчерпано. Вскоре с падением империи в 1870 г. ему пришлось закатиться и во Франции.

ПУШКИН В 1823 г.*)

I

...Сто лет назад в Европе было так же тревожно, как и в наши дни. История была не менее чревата тогда неразряженными революциями и готовыми прорваться войнами. Необычайное оживление международной жизни сопровождалось, как всегда, крупными внутренними осложнениями. Только что, по слову Пушкина, «в неволе мрачной закатился Наполеона грозный век». Только что отошла эпоха великих походов, перепахавших всю почву Европы, и наследием этих грандиозных народных передвижений остались повсеместно взрывчатые скопления восстаний и мятежей, снова бороздившие во всех направлениях материк.

Тряслися грозно Пиренеи,
Вулкан Неаполя пылал,—

вспоминал впоследствии Пушкин это бурное время, воспламенившее своим революционным огнем весь

*) Из речи, произнесенной на заседании Пушкинской Комиссии Общества Любителей Российской словесности 8-го июня 1923 года.

Во вступлении к речи указывалось, что „как ни трудно в истории поэта выделить краткий хронологический этап, часто совершенно не совпадающий своими условными гранями с обширными эпохами его творческой мысли, как раз 1823 год в жизни Пушкина допускает в известном смысле самостоятельное изучение, особенно если в некоторых случаях мы позволим себе чуть-чуть раздвинуть строго отмеченные календарные вехи одного годового периода“.

европейский мир — «от Царскосельских лип, до башен Гибралтара»...

В такие эпохи впечатлительность поэтов повышается, и мысль их работает особенно напряженно. Недавно, первый поэт нашей бурной эпохи—Александр Блок писал об одном древнем лирике «латинском Пушкине»— поэте Валерии Катулле, жившем в Риме во времена Катилины:

«Личная страсть Катулла, как страсть всякого поэта, была насыщена духом эпохи; ее судьба и ритм, и размеры так же, как ритм и размеры стихов поэта, были внушены ему его временем; ибо в поэтическом мире нет разрыва между личным и общим: чем более чуток поэт, тем неразрывнее ощущает он «свое» и не «свое». Поэтому в эпохи бурь и тревог, нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта так же переполняются бурей и тревогой».

И не только бурей и тревогой, но и глубокими раздумьями о смысле исторического процесса, о значении расовых столкновений, о противопоставлении основных сил всемирной трагедии. Для русского поэта эти тревоги неизбежно должны были вылиться в раздумья о Западе и Востоке, об Азии и Европе, об облике и призвании России. Это темы нашего времени, мы к ним привыкли, их остро поставили перед нашим сознанием величайшие поэты и мыслители современности. Но можно ли было ставить их сто лет тому назад, и имеем ли мы право ожидать их от величайшего поэта того времени?

На первый взгляд может показаться, что Пушкин в свой южно-русский период, занятый «Гавриилиадой», эпиграм-

мами, подражаниями Парни, пародиями на Библию, был совершенно свободен от этих сложных историко-философских проблем. Но стоит вглядеться в его страницы, чтоб почувствовать в них этот мощный прибой современности, напрягающий мысль поэта и сообщающий свой взволнованный ритм его строфам.

Пушкин начала 20-х годов, недавний «Сверчок» Арзамаса, беспечный волокита, «почетный гражданин кулис», автор фривольных поэм, ценитель анекдота и мадригала, не переставал томиться развертывающейся перед ним всемирно-исторической драмой. В его произведениях той поры настойчиво проходит эта волнующая тема столкнувшихся устремлений мировой истории, эта великая проблема Востока и Запада, Азии и Европы, огромных и словно скованных сил восточных деспотий и возрождающего духа новой вольницы, возникшей из окровавленных мостовых Парижа, чтобы досягнуть «до Царскосельских лиц»....

Все это глубже всего сказалось к концу пушкинского пребывания на юге, перед его новым переездом в село Михайловское.

II

1823 год в жизни Пушкина—необычайный, богатый переломный год, словно связывающий оба основных периода пушкинских Wanderjahre. В самом начале июля поэт навсегда покидает Кишинев и поселяется в Одессе: в этом смысле 1821 год разрезан, как плод ножом, на две совершенно одинаковые доли.

Но равные в календарном отношении, они глубоко различны в своем составе.

В Кишиневе продолжалась общая полоса впечатлений и переживаний, возникших еще в Крыму. После холодных форм петербургского европеизма—знойная и пестрая столица Бессарабии представляла живописнейшую племенную смесь, богато расцвеченную разнообразными этнографическими элементами. Это был вполне азиатский город, в толпе которого турецкие чалмы-тюрбаны и красные греческие фески решительно преобладали над европейскими головными уборами, а гортанные звуки всевозможных восточных наречий заглушали еще непривычную русскую речь.

Круг пушкинских знакомств должен был неизбежно захватить этих разноплеменных представителей местного общества. И стоит вспомнить одни только имена пушкинских возлюбленных этого времени, чтоб сразу почувствовать какую-то необычную атмосферу сказочных нравов и полуфантастического быта. Все эти Марпулы Рали-Земфираки, Шокоры-Людмилы Инглези, Аника Сандулаки, Пульхерица Варфоломей, Калипсо Полихрони или, наконец, трактирная прислужница Марполица, певшая Пушкину молдавский романс про «Черную шаль»,—одни эти имена создают звуковую картину необычайной экзотической музыкальности.

И мы знаем, что все эти переливные звуки молдавских или новогреческих фамилий вполне соответствуют особенностям красочного быта их носительниц. Тяжелые турецкие шали, накрашенные лица, подведенные «сурьмой» глаза, тесные комнаты, устланные коврами, где даже было принято сидеть по-турецки—«подогнув под платье ноги» во время обильного угощения вареньями,

пряными шербетами и турецким кофе—так по-оперному красочно разворачивался быт бессарабских бояр и кукониц, к которому с таким жадным интересом присматривался молодой русский байронист.

В пушкинском Кишиневе с его сгущенным ориентализмом было нечто от Константинополя или даже от Багдада, и неудивительно, что в этой атмосфере сама жизнь поэта принимает такой странный полуфантастический характер авантюрного романа с необычайными любовными похождениями,—нелепыми дуэлями, цыганскими кочевьями, странными переодеваниями... Все эти экзотические костюмы, нравы и эпизоды производят впечатление какой-то волшебной сказки, богатой приключениями и вымыслами,—и все это только глава из биографии Пушкина.

Сам поэт называл эту главу Азией. Переезд в Одессу означал для него возвращение в Европу. Письма его полны этих противопоставлений азиатской Бессарабии черноморскому Западу. Своеобразный быт новорожденного городка с его Итальянской оперой, концертами, кафе, ресторанами, маскарадами, большими приемами у Воронцова, заморскими винами, иностранными газетами и беспрерывными свежими новостями с прибывающих кораблей, не могли не поразить его после бессарабского содома.

Этот новороссийский клочок Европы носил свои особые черты Он, конечно, не напоминал Петербурга с его матовым немецким укладом, а представлял собою скорее яркий отрывок романского мира, знойный полуденный юг Европы, столь милый Байрону, Мюссе и Мериме. Долгая

опека Ришелье наложила на город определенно французский отпечаток: во главе лицея стоял знаменитый педагог того времени аббат Николь, и долгое время преподавание в лицее шло на французском языке. Первые одесские газеты издавались на том же языке. Впоследствии французский поэт Альфонс Шапелон, отец памятного многим из нас Огюста Шапелона, лектора французского языка в Новороссийском университете, дал меткую стихотворную формулу:

Odessa par Richelieu
Est d'origine française.

Пожалуй, еще заметнее здесь было итальянское влияние. Обилие и многочисленность итальянской колонии—своеобразная черта старой Одессы. Долгое время здесь сохранялись погребки под живописными вывесками contini con diversi vini. Как известно, несколько лет в Одессе жил сам Гарибальди, имея здесь свой коммерческий корабль. С первых же десятилетий существования города здесь имелась превосходная итальянская опера, где культивировался молодой России, и где выступала знаменитая Каталани.

Гостиница, где поселился Пушкин, в Одессе на Итальянской улице, известна обычно по фасаду—дому рядового европейского стиля начала столетия. Но стоит войти в крутой двор, идущий под гору, и мы сразу переносимся в Италию XVIII века: крытые внутренние дворики под каменными арками, с вычурными висячими фонарями над входом, сводчатые ниши, стеклянные галлереи—все это создает впечатление старой итальянской

австерии, в которой действовала какая-нибудь Мирандолина из старинной комедии Гольдони.

В городе, как в средневековых итальянских муниципиях, господствовало несколько известных фамилий. Культурный уровень общества был высок. Ризнич был воспитанником падуанского и берлинского университетов, тонкой образованностью отличались и французский консул Сикар, и философ-англичанин Гунчисон, дававший Пушкину уроки атеизма. В городе были литературные салоны, при губернаторе состоял поэт Туманский. Наконец, сам Воронцов, один из образованнейших генералов Александровского времени, с такой симпатией изображенный Львом Толстым в Хаджи-Мурате, придавал высокий культурный стиль общественной жизни города.

Не даром Пушкина влекло в этот маленький центр. Книги, газеты, театр, иностранное общество, французский лицей—все это действительно пленило и освежило его после трех лет бессарабского заточения. Так сам он воспринял этот перелом в своей жизни: Кишинев—это Молдавия, это пустыня, это глухой Восток, это Азия, где ему пришлось жить между гетов и сарматов. Одесса—это Европа, это почти что переезд за границу, непосредственное прикосновение к Италии златой.

„Здесь все Европой дышит, веет.. "

«Надобно подобно мне, писал Пушкин Тургеневу, провести три года в душном азиатском заточении, чтоб почувствовать цену и невольного европейского города....»

Вот почему именно отсюда Пушкина начинает неудержимо тянуть в Европу. Близость Средиземного моря,

непосредственное ощущение классической древности, благодаря оживлению археологических раскопок по всему Черноморью—все это не переставало усиливать связи молодого городка с художественной историей и творческим прошлым Европы. Теплые волны Средиземия словно докатывали сюда предания многовековых драгоценных культур своих изрезанных побережий, и в этом соседстве Греции и Малой Азии, в этом вечном соприкосновении с Италией и Францией, как бы чувствовались благодатные веяния прозрачного воздуха античности и возрождения.

Все это повышало европейскую ностальгию Пушкина, усиливало в нем влечение к Бренте, к Адриатическим волнам, к стране Петрарки.

III

Эта смена двух исторических стилей в жизни Пушкина отразилась на его творчестве.

Восток с его легендами, с его зноем, его чувственностью, его мифологией разработан в «Гаврилиаде», написанной в Кишиневе в 1821 или в 1822 гг. Библейские сказания и евангельские апокрифы положены в основу этой шутливой поэмы в кощунственном старо-французском жанре. Образы, имена, метафоры, картины, беспрерывное мерцание красок, здесь все дышит священными книгами и источает характерную пленительность ориентальной поэтики. Сам автор ссылается в поэме на «армянское предание» и роняет такой характерный стих:

Творец любил восточный пестрый слог...

Гаврилиаду возводят обычно к образам Парни и Вольтера, но многое напоминает в ней древние поэмы и

сленно восходит к Гомеру. Такова небывалая у нас картина любви прародителей в Эдеме—

Под сенью пальм, где юная земля
Любовников цветами покрывала...“

По силе и картинности изображения эту пушкинскую страницу можно, кажется, сравнить только с описанием любви олимпийцев в Илиаде:

Так произнесши, Кронид заключает супругу в объятья.
Тотчас под ними земля возрастила цветущие травы,
Лотос, покрытый росой, и шафран, и цветы гиацинта,
Нежные, пышно-густые высоко-издымавшие стебли,
Там они оба легли, золотым осененные сверху
Облаком дивным, откуда сверкая роса ниспадала...

Картины такой первобытной свежести, такой первоначальной Гомеровской или библейской наивности, такого прозрачного и пышного доисторического востока разворачивает Пушкин в своей шутливой пародии. Вскоре он изобразит восточность в ином плане, и в своих «Цыганах» отразит унылый, мрачный, трагический ориентализм современного блуждающего племени, «отверженной касты индейцев, называемой пария», как определяет он в предисловии к поэме, где переживания страсти протекают не под лотосами Эдема, а «под издранными шатрами» пустынных бессарабских кочевий.

Но с переездом Пушкина в Одессу заметно выступает его интерес к другому миру, к другим темам, к другому циклу образов и раздумий. Характерно, что уже осенью 1823 г., т.-е. в первые же месяцы своей одесской жизни, еще далеко не изжив бессарабского ориентализма, Пушкин принимается за «Онегина», т.-е. за изображение

самого утонченного европеизма его эпохи. В стройных, сжатых и строго дисциплинированных строфах, точных, как математическая формула, и блистательных, как страница Дидро, поэт развертывает глубокое и сложное явление русского дендизма, полярно враждебное всякой стихийности, зыбкости, всему восточному или скифскому.

Дендизм на Западе был глубоким эстетическим течением, стремившимся перенести «идею прекрасного» в материальную жизнь и предписать законченную и совершенную форму изменчивым человеческим нравам. Неудивительно, что наиболее изощренные и выдающиеся умы нескольких поколений отдавались этому течению— Байрон, Стендаль, Бодлер, Барбе-д'Орвильи, у нас—Чаадаев, Грибоедов и Лермонтов.

Но глубже всех захватил это умственное течение эпоха, создатель образа первого русского «денди» Онегина, полнее всего раскрывший трагизм русской души, зачарованной высшим проявлением современной западной жизни.

Так тему Востока и Азии сменила в сознании Пушкина новая тема Востока и Европы, менее яркая и красочная, но, может быть, более сложная и психологически трудная.

IV

Две эти основных темы, ясно звучавшие в жизни Пушкина в 1823 году, переплетаются в одной из его прекраснейших поэм — в «Бахчисарайском Фонтане». Первоначально озаглавленная «Харем», украшенная восхитительным эпиграфом из Саади, напоенная ленью поэти-

ческого ориентализма, она словно целиком посвящена Востоку.

А, между тем, за этими розами, коврами и стихами Корана, явственно ощущается и невидимо растет другая, не менее господствующая тема—тема Запада, вступившего в борьбу с духом Азии, и медленно одолевающего его. Через всю поэму, беспрерывно скрещиваясь и переплетаясь, проходят две эти доминанты, создавая своеобразнейшее целое. Уже с первых строф поэмы раздается вопрос о грозном Хане:

Страшится ли народов гор
Иль козней Генуи лукавой?...

В поэме две героини: одна—рожденная близ Кавказа, другая—польская княжна. Быту гарема противопоставлена картина польского замка XVIII века с его старинной праздничностью, толпой вельмож и магнатов, задорной гордостью вольных шляхтичей и острой грацией польских женщин. Пушкин любил этот красивый, беспечный, легкомысленный, высоко-изящный мир старой Польши, с ее костелами и зубчатыми замками, впоследствии с таким искусством воспроизведенными в «Борисе Годунове».

В «Бахчисарайском Фонтане» уже брошен первый очерк Сандомирских пиров, полонезов и свиданий.

Но чем пленительней эта утонченная католическая Европа, тем страшнее ее столкновения с темными полчищами Востока:

Давно ль? И что же! тьмы татар
На Польшу хлынули рекою...

Восток захватил и одолел Запад. «Дворец Бахчисарая скрывает юную княжну»... Но Запад утверждается на Востоке: в ханском дворце, в помещении гарема —

День и ночь горит лампада
Пред ликом девы пресвятой...

В обстановке восточной страстности, тяжелой телесности, чувственных утех, среди шелков, бассейнов и роз возникает кнот, смущающий самого грозного хана. Поистине в «Бахчисарайском Фонтане» поставлена та неисследимая тема страсти и духовного подвига, которую новейший поэт назвал «Роза и Крест».

И в заключении поэмы—этот странный образ мраморного фонтана, воздвигнутого кровавым опустошителем в память горестной Марии:

Над ним крестом осенена
Магометанская луна...

Поэма Пушкина это какой-то «западно-восточный диван», где беспрерывно переплетаются эти лейт-мотивы Восхода и Заката, Грузии и Польши, Луны и Креста. В заключении поэмы новой антитезой мелькает на мгновение шумный Петербург среди картин сонной Тавриды:

Покинув север наконец,
Пиры надолго забывая,
Я посетил Бахчисарая
В забвеньи дремлющий дворец...

Так, на протяжении целой байронической поэмы, не перестает переливаться эта антитеза ранней Пушкинской поры.

V

Мы видим, что в южно-русских поэмах Пушкина невидимо присутствует великая проблема Востока и Запада. Если для Байрона, для Виктора Гюго, для Мюссе ориентализм есть новый своеобразный поэтический прием, для русского поэта этот уклон романтизма сразу поднимается до значения исторической и философской темы. Не даром тогда же им написан отрывок «Недвижный страж дремал на царственном пороге»... Недоконченный фрагмент не оставляет сомнения в его основной мысли. В стихотворении противопоставлены в лице Александра и Наполеон не только две основные силы, творившие историю, но и два полярных течения власти: замкнутая восточная деспотия и пробудившаяся на Западе безграничная воля народов. Владыка Севера надменен и самоуверен своей безграничной мощью, сковавшей дух западной революции:

...Жребии земли
В увенчанной главе стесненные лежали,
Чредою выпадали
И миру тихую неволю в дар несли.

И как великолепно развернут здесь размах этой европейской революции, идущей из тогдашнего Петербурга:

От Тибровых валов до Вислы и Невы,
От Царскосельских лиц до башен Гибралтара,
Все молча ждет удара —
Все пало, под ярмом склонились все главы.

Поэт с негодующим вдохновением воспроизводит этот железно-неумолимый голос мировой реакции:

Давно ли ветхая Европа свирепела?
Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал?
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Уж правила свобода,
И самовластие лишь Север укрывал?
Давно ль—и где же вы, зиждители свободы?
Ну что ж? Витийствуйте, ищите прав природы.
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу.
Вот Кесарь, где же Брут? О, грозные витии,
Целуйте жезл России
И вас поправшую железную стопу.

И в ответ на этот вызов является венчанный воин Великой французской революции:

Свершитель роковой безвестного веленья,
Сей всадник, перед кем склонилися цари,
Мятежной вольницы наследник и убийца...
. . . . . .
Во цвете здравия, и мужества, и мощи,
Владыке полуночи
Владыка Запада грозящий предстоял.

Тема поставлена совершенно четко. Мысль Пушкина ясна, несмотря на незаконченность отрывка. Дух Запада, дух освобожденной мысли, пафос новой вольности и свободного гражданства — вот что неминуемо сокрушит железную пяту владыки Севера.

В 1823 году Пушкин уже явственно выходит из юношески-бездумного увлечения «вольнолюбивостью». У него срываются подчас ноты скептицизма, спокойного раздумья, холодной критики. Стихотворение «Свободы сеятель пустынный» свидетельствует, что он уже трезво размышлял о кумире свободы и улавливал здесь не

одну только красоту. Но этот голос рассудка ни на мгновенье не ослабляет в нем того чувства личной приверженности к молодой, восстающей, смело несущейся в будущее Европы, которая в южно-русскую эпоху пушкинской биографии так отчетливо откристаллизовалась в художественно-философскую антитезу Востока и Запада.

Всматриваясь с какой глубиной и смелостью поставлена эта проблема в Пушкинских произведениях 1823 года, невольно вспоминаешь бессмертную формулу Аполлона Григорьева: «Пушкин—наше все». Основоположные течения, резко разделявшие впоследствии русскую мысль, уже поставлены им не только в местном, русском, национальном плане, но и в обширных перспективах европейской истории минувших и грядущих столетий.

Вот почему, когда впоследствии Аксаковы и Хомяковы спорили с Герценом и Белинским, когда Достоевский громил Тургенева, когда Тютчев строил свои обширные философские сопоставления России и Европы, когда великий вопрос о двух культурных мирах представал сознанию русских символистов, когда, наконец, тема мирового значения России отливалась в новую проблему «Евразии»—все эти философские варианты наново разрабатывали ту поразительную интуицию всемирно-исторического процесса, которая запечатлена в образах и строфах юного Пушкина.

Вот почему, вступая в мир его поэм, мы обращаемся к нашему вечному современнику.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Суммы, выданные Н. Н. Пушкиной и ее сестрам из имения Гончаровых.

В деле о расчетах Жоржа Геккерена (Дантеса) с его шурьями Гончаровыми имеется «сравнительный счет» денежным выдачам, произведенным их сестрам. Счет этот представляет интерес для биографии Пушкина, так как проливает некоторый свет на его материальное положение в последний петербургский период его жизни. Считаем поэтому нелишним опубликовать этот семейный документ «опеки Гончаровых», хранящийся в архиве б. министерства иностранных дел (Центроархив).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЧЕТ

суммам, выданным бывшим опекуном над всем имением Гончаровых надворным советником Дмитрием Гончаровым всем трем своим сестрам: генерал-майорше Наталье Николаевне Ланской, фрейлине ее импер. велич. Александре Николаевне Гончаровой и баронессе Екатерине Николаевне Геккерен.

В котором году поступило.	Наталье Николаевне Ланской.			Александре Николаевне Гончаровой.			Екатерине Николаевне Геккерен.		
		Р.	К.		Р.	К.		Р.	К.
1832	Поступило	—	—	Поступило	70	11½	Поступило	75	36½
1833		775	25		665	94¾		647	42¾
1834		2019	25		3529	10¼		3792	94¼
1835		2282	31		4532	87½		5174	33½
1836		1211	28		6864	55½		6936	28½
							(Следуют суммы, выданные Е. Н. Геккерен после 1836 г.)		
								339	97
ИТОГО...		6288	09	ИТОГО	15662	59½	ИТОГО	16966	32½

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Портрет Лувеля 3
Пушкинский уголок 12
Дантес и Николай I. 23
Пушкин в 1823 году 35

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Суммы, выданные Н. Н. Пушкиной и ее сестрам. . . 50

ОГОНЕК

и БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

на САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ в СССР ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

С ПРИЛОЖЕНИЕМ Библиотеки „ОГОНЕК“ (по 2 книжки в неделю)

1. Библиотека „Огонек“ — САМАЯ ПОПУЛЯРНАЯ из маленьких библиотек, издающихся в СССР.
2. Библиотека „Огонек“ — благодаря своей цене доступна РАБОЧЕМУ, КРЕСТЬЯНИНУ и УЧАЩЕМУСЯ.
3. Библиотекой „Огонек“ изданы книжки ВСЕХ ЛУЧШИХ СОВРЕМЕННЫХ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.
4. Библиотекой „Огонек“ изданы книжки наиболее близких СССР по духу и ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОТНОШЕНИИ СОВРЕМЕННИКОВ ЗАПАДА.
5. Библиотекой „Огонек“ издаются в сокращенных переводах МИРОВЫЕ КЛАССИКИ, начиная с Гомера.
6. Библиотекой „Огонек“ издаются всевозможные ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, неизданные и вновь найденные произведения, документы, мемуары.
7. Библиотекой „Огонек“ издаются ПУТЕШЕСТВИЯ современных советских и иностранных писателей.
8. Библиотекой „Огонек“ издаются книжки НАЧИНАЮЩИХ советских писателей.
9. Библиотекой „Огонек“ издана серия ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ лучших советских и иностранных писателей.
10. Библиотекой „Огонек“ ИЗДАНО 9 МИЛЛИОНОВ КНИЖЕК, и тираж беспрерывно растет.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

„Огонек“ с Библиотекой „Огонек“: с 1-го июля до конца года (6 мес.)—7 р.; 3 мес.—3 р. 75 к.; 1 мес.—1 р. 40 к.

„Огонек“ без Библиотеки „Огонек“: с 1-го июля до конца года (6 мес.) — 2 р. 40 к.; 3 мес.—1 р. 20 к.; 1 мес.—40 к.

Переводы адресовать: Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“

Москва 6, Страстной бульвар 11.

Подписка также принимается повсеместно на почте, письмоносцами у контрагентов, в отделениях „Правды“ и „Известий ЦИК“ и во всех железнодорожных и городских киосках Контрагентства Печати.

Цена 15 коп.

Центральная
Бюро
Международного
Книгообмена

ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ „ОГОНЕК"

Принимается только вместе с журналом „ОГОНЕК".

Еженедельный иллюстрированный журнал „ОГОНЕК", с приложением ДВУХ книжек Библиотеки „ОГОНЕК" еженедельно к каждому номеру.

1 мес.—1 р. 40 к., 3 мес.—3 р. 75 к.

6 мес. — 7 р., 1 год — 13 р. 50 к.

АДРЕС:

Москва 6, Страстной бульвар, д. 11, телефон 5-51-69.

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК".

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
10002454121